

Пути Господни неисповедимы, но не случайны. Не случайна была та бессонная ночь в вагоне поезда Москва — Ленинград, когда я написал свою первую песню «Леночка». Нет, я и до этого писал песни, но «Леночка» была началом — не концом, как полагает Арбузов, — а началом моего истинного, трудного и счастливого пути.

А. Галич
«Генеральная репетиция»

ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день,

Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо — с шоферюгами
Ругаться цельный день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант,
Останкинская девочка —
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант!

Как вдруг она заметила:
Огни летят, огни,
В Москву из Шереметьева
Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!
На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Даёт отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!

Даёт она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине — писанный
Красавец-эфиоп,
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп.
И, встав с подушки с кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает хризантему ей
Красавец-эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез:
— Пожалте, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади, —
Тот самый эфиоп.

Он принимает почести,
Тот самый эфиоп.
Он чинно благодарствует
И трёт ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь.
Сидит с моделью вымпела
И всё глядит на дверь!
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь...
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь!..

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла.
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла!
И сам красавец царственный,
Ахмет Али-Паша
Воскликнул:
— Вот так здравствуйте! —
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет —

Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню Л. Потапову
Узнал весь белый свет!

<1962>

ПРО МАЛЯРОВ,
ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ
ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

...Чуиствуем с напарником: ну и ну!
Ноги прямо ватные, всё в дыму.
Чуиствуем — нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорощее в воздухе.

Взяли «Жигулёвского» и «Дубняка»,
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили ещё разá, —
Тут нам истопник и открыл глаза

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари,
Ихним физикам пари!

Всё теперь на шарике вкось и вскочь,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем день — ночь!
А что мы с вами думаем ночь — день!

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу — невпроворот!
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был — там тропики,
А где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что мы люди, а не бобики,
Им на это начихать,
Им на это начихать!

Рассказал нам всё это истопник,
Вижу — мой напарник ну прямо сник!
Раз такое дело — гори огнём! —
Больше мы малярничать не пойдём!

Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью — день,
А потом обратно не день, а ночь?!

И при всём квалификации
Тут возможен перекося:
Это всё ж таки радиация,
А не просто купорос,
А не просто купорос!

Пятую неделю я хожу больной,
Пятую неделю я не сплю с женой.
Тоже и напарник мой плачется:
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «Столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться:
Истопник сказал, что «Столичная»
Очень хороша от стронция!

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда...
А шарик вертится и вертится,
И всё время — не туда,
И всё время — не туда!

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

...Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней,
с Тонькою!

Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папи у её топтун под окнами.
А что у папи у её дача в Павшине,
А что у папи холуи с секретаршами,
А что у папи у её пайки цековские
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...

А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою!..»

Я живу теперь в доме — чаша полная,
Даже брюки у меня — и те на «молнии»,
А вино у нас в доме — как из кладезя,
А сортир у нас в доме — восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,
Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!

А как спать ложусь в кровать с душой
с Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький.
Ух, характер у неё — прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетёршею,
На дверях стоит вся замёрзшая.

Вся замёрзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая!
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

<1962>

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

...Ой, ну что ж тут говорить,
что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький.
Да, я с Нинулькой гулял с тётки-Пашиной,
И в «Пекин» её водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый
И в палату с ней ходил в Грановитую.
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границей.

А вернулась, ей привет — анонимочка:
Фотоснимок, а на нём — я да Ниночка!..
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
Ни вещичек её нет, ни записочки!

Нет как нет,
Ну, прямо — нет как нет!

Я к ней в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что всё во мне переломано.
Не серчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала чёрная:
— Я на слёзы на твои — ноль внимания!
И ты мне лазаря не пой, я учёная,
Ты людям все Расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенский...
А холоуи уж тут как тут, каплют капельки:
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дёрганов,
И ещё тот референт, что из органов,

Тут как тут,
Ну, прямо — тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание.
А дело было, как сейчас помню, первого.
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня — вся стала красная.
У них первый был вопрос —
«Свободу Африке!»,
А потом уж про меня — в части «разное».

Ну, как про Гану — все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами,
А как вызвали меня, я свял от робости,
А из зала мне кричат: «Давай подробности!»

Все, как есть,
Ну, прямо — все, как есть!

Она всю свою морковь нынче прóдала
И домой по месту жительства отбыла».

Вот те на,
Ну, прямо — вот те на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку:
Мол, прошу принять по личному делу я.
А у Грошевой как раз моя кисочка,
Как увидела меня — вся стала белая!

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева:
— Схлопотал он строгача — ну и ладушки,
Помиритесь вы теперь по-хорошему!

И пошли мы с ней вдвоём, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила дюрсо, а я перцовую
За советскую семью образцовую!

Вот и всё!

<1963?>

ВЕСЁЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама ну во всём потакала,
Красной Шапочкой звала,
пташкой вольной,
Ей какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьёт — и довольно.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди:
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни.

А касса щёлкает, касса щёлкает,
Скушал Шапочку Серый Волк!
И трясёт она чёрной чёлкою,
А касса щёлк, щёлк, щёлк...

Ах, весёлый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
«Интересно бы узнать, что за птица?»

А она ему в ответ из-за кассы:
Дожидаю, мол, прекрасного принца.

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алёшей,
Был он техником по счётным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.

А тут как раз война, а он в запасе...
Прокричала ночь — и снова в кассе.

А касса щёлкает, касса щёлкает,
А под Щёлковым — в щепки полк!
И трясёт она пегою чёлкою,
А касса щёлк, щёлк, щёлк...

Ах, весёлый разговор!

Как случилось — ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек,
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну и стукнул он, со зла, не иначе,
Сам не рад, да не пойдёшь на попятный:
Обнаружили её в недостатке,
Привлекли её по сто тридцать пятой.

А на этап пошла по указу.
А там амнистия — и снова в кассу.

А касса щёлкает, касса щёлкает,
Засекается ваш крючок!